

И. Вышеславская, Г. Вышеславский

Леонид Вышеславский и Одесса

Одесса-94

С богатым скарбом плыли греки
Под сень одесских берегов,
И с нами сблизилась навеки
Страна героев и богов.
Колонны, портики, ограды,
Парадной лестницы разлет –
В Одессе вольный дух Эллады
Сильней, чем где-либо, живет!
Как со стволом платана – ветка,
Срослась давно с ней жизнь моя,
Горжусь я, что во мне от предков
Есть крови греческой струя.
За плотной времени завесой
Мне видится в морской дали
Мой славный прадед – мэр Одессы,
Достопочтенный Маразли.
И я, где блещет в красках броских
Прибойной пены торжество,
Иду по улице приморской,
По старой улице его.
И направляю взор свой ныне
К Большефонтанским берегам,
Моей любви. Моей святыни
Следы отыскиваю там.
Рожденный морем город славы,

Целую, с трепетом в крови,
И твой ракушечник шершавый,
И волны жаркие твои!

Харлампий Иванович Платонов
и Евредика Митрофановна Цицильяно. 1886 г.

Эти стихи были написаны в 1994 году Л. Вышеславским.

Корни нашей семьи уходят в Одессу, а оттуда тянутся через Филиппополь (современный Пловдив) в Афины. Но это все очень далеко не только в пространстве, но и во времени. Лишь с начала XVIII века родословная приобретает конкретные черты. И хотя поэт Леонид Вышеславский родился уже в Николаеве, с Одессой его связь не прерывалась никогда. Этот чудный город был рядом, совсем рядом, и там жило много родственников и друзей.

Бабушка Леонида Вышеславского Евредика Митрофановна Цицильяно, в доме которой он рос, была представительницей ветви знаменитого рода одесских греков Маразли, из которого происходил и великий мэр Одессы Григорий Маразли. Она приходилась ему внучатой племянницей и была названа Евредикой в честь своей бабушки, родной сестры Григория Маразли.

В 1887 году Евредика Митрофановна вышла замуж в Кишиневе за молодого священника, впоследствии протоиерея Харлампия Ивановича Платонова (1866-1942), тоже грека, но молдавского, из числа тех греков-фанариотов, в роду которых священство считалось обязательным для всех мужчин. Так она стала родоначальницей большого, дружного и необыкновенно талантливого рода Платоновых.

После ряда переездов (Дубоссары, Елисаветград) Платоновы осели в Николаеве, по месту службы отца Харлампия (церковь

св. Марии Магдалины в Ингульской слободе города Николаева). Но всех своих сыновей Платоновы отправляли учиться в соседнюю Одессу:

Николай (1890-1918) – юрист и богослов, учился в Одесском университете, жил в Одессе, погиб во время гражданской войны;

Андрей (1892-1937) – учился в Одессе, участник первой мировой войны, офицер, был ранен, награжден орденом св. Георгия. После войны несколько лет жил в Одессе, занимался литературой. После переезда в Харьков женился и работал строителем. В результате сталинских репрессий был расстрелян;

Константин (1895-1944) – учился в Одессе. Офицер Белой армии. После победы «красных» остался в Кишиневе и только после присоединения Молдовы к СССР встретился с родней;

Павел (1902-1968) – учился в Одесском художественном училище, в Ленинграде в Академии художеств, затем в Москве. Известный архитектор, художник, был одним из разработчиков Генерального плана развития Москвы, главным архитектором города, автором павильонов ВДНХ в Москве и некоторых станций Московского метро. Его творчество было весьма разносторонним – кроме архитектуры он занимался графическим дизайном – почтовые марки, оформление пачек папирос и сигарет, разработкой рекламы товаров, и совсем неожиданно – участвовал в создании рецептов духов.

Дочери Платоновых, Елена, Вера и Клеопатра, учились в Николаевской гимназии. Средняя дочь – Клеопатра (1892-1939), впоследствии вышла замуж за инженера горного дела Николая

Харламппий Иванович Платонов
и Евридика Митрофановна Цицильяно. 1888 г.

Вышеславского и стала матерью будущего поэта Леонида Вышеславского (1914-2002). Вся семья называла мальчика «Люсик».

О своих старших дядьях-офицерах Леонид Вышеславский вспоминал в устных рассказах следующим образом: «У меня было три дяди – офицера. Один любил карты, второй – женщин, а третий – вино. Но у всех троих были восхитительные колесики на шпорах. И когда они приезжали к нам домой и садились за стол, я тут же под него залазил и с наслаждением крутил эти колесики». Вообще, в семье Платоновых был культ чувства юмора. Может, это тоже было связано с Одессой? Особенными остряками и любителями всяческих проделок были Андрей, Павел и Клеопатра.

Еще известно, что всем семейством иногда из Николаева ездили в Одессу навещать родственников. Вот воспоминания Павла Харлампиевича Платонова своей одесской юности в изложении его сына, Андрея Павловича Платонова (художник, Канада).

«Несколько раз в году мама (Евридика Митрофановна) возила нас с Андрюшей* в Одессу на какие-то семейные праздники Маразли. (Вполне возможно, что она брала с собой и других детей тоже, но папа рассказывал так.) По приезде в Одессу она брала коляску с кучером, причем выбирала самого красивого кучера, и они ехали через весь город к дому Маразли. Насколько я знаю, сейчас в этом доме находится Союз архитекторов Одессы. Папа сидел на мягком сидении рядом с мамой, а Андрюша, несмотря на то, что в коляске было полно места, всегда стоял на подножке и, придерживая канотье, улыбался прохожим своей неподражаемой белозубой улыбкой. Особенно страдали от этой улыбки, зубов, канотье, широких плечей и сумасшедшего бесстрашия девушки, которые просто столбенели от всей этой подчеркнуто мужественной красоты... Весь остальной рассказ был, видимо, менее впечатляющим, и поэтому я запомнил только, что там, на этих праздниках, всегда угощали сахарной ватой...»

«Однажды мы плыли с папой на пароходу «Победа» из Сочи в Одессу. У нас была каюта, но спать там было душно, и мы поднялись на палубу, раздобыли два шезлонга... Над нами было южное звездное небо, а вокруг какая-то сумасшедшая тишина, на

* Андрюша – Андрей Харлампиевич Платонов, старший брат.

полненная звуками непрерывного движения громадного металлического сооружения по черной маслянистой глади остывающего от дневного зноя моря.

Одесса была для отца родным домом, местом, воспоминания о котором сжимали горло и путали мысли. Так много было связано с этим удивительным городом... И папа рассказывал без умолку, перескакивая с одного на другое, волнуясь, что-то забывая, потом, вспоминая, радуясь этому и снова отвлекаясь на что-либо, начинал уже совершенно новый рассказ... О Школе живописи и ваяния, где его учителями были Кандинский, Малевич и кто-то еще, я уже не помню имен... О Молдаванке, биндюжниках, о дружбе Андрюши с Мишкой Япончиком... О том, как он с Костей** и Андрюшей ходили на их собственной яхте из Николаева в Турцию... О Катаеве, Утесове, Олеше... Читал наизусть куски из одесских рассказов Бабеля... Смеялся до слез над анекдотами своей одесской юности... Потом небо стало светлым, и звезды исчезли, и я заснул... Когда я проснулся, уже давным-давно было утро. Кругом шастали какие-то люди, шум, гвалт... Папа стоял рядом с моим шезлонгом и держал у меня над головой развернутое полотенце, чтобы солнце не напекло голову... Я не знаю, сколько он так стоял».

Все Платоновы были литературно одарены. Это видно и из приведенных отрывков писем Андрея Павловича Платонова, который по своей основной профессии художник. Но среди Платоновых были и профессиональные литераторы: поэт Леонид Вышеславский, прозаик Юрий Гаврилович Платонов (двоюродный брат), серьезно писал Андрей Харлампиевич Платонов, но из-за политических преследований ничего не успел издать. Очень литературно одаренной была и мать поэта Вышеславского – Клеопатра Харлампиевна Платонова.

Революция перевернула жизнь Платоновых. Часть семьи Маразли эмигрировала, часть рассеялась по Советскому Союзу. Платоновы потеряли в гражданской войне сына Николая, за границу бежал Константин. Церковь св. Марии-Магдалины в Ингульской слободе Николаева закрыли. Постепенно все оставшиеся члены семьи перебрались в Харьков. Но судьба подарила им еще один одесский период.

** Костя – Константин Харлампиевич Платонов, второй брат.

Леонид Николаевич Вышеславский
Успенский монастырь. Одесса. 1926 г.

В 1925 году протоиерей Харлампий был направлен служить в Одессу, в Свято-Успенский монастырь на Большом Фонтане. Монастырь этот был резиденцией митрополита Ювеналия (В.К. Машковский). Священники жили в кельях, которые сохранились и сейчас между храмом и центральными воротами. Жизнь в монастыре оказала большое влияние на мировоззрение будущего поэта Леонида Вышеславского, который приезжал туда во время школьных каникул. По свидетельству Л. Вышеславского, храм закрыли в 1928 году.

Колокол

Памяти Харлампия Ивановича Платонова

Июльский вечер над церковным садом.
На колокольне время льется зря:
Давным-давно звонить к вечерне надо,
А колокол молчит, нет звонаря.
Вновь загулял, наверно. Прощелыга...
Дед говорит мне: «Леня, выручай!»
И я по лестнице крутой взбегаю мигом,
Схватил канат и оттянул на край.
«Язык» тяжел. Скрипит. Его непросто
Так раскачать, чтоб вызрел громкий звук,
В нем, верно, два моих мальчишских роста,
И он моих не слушается рук.
На колоколе потемневшем, старом

Медь в противоположных двух местах,
Куда обычно падают удары,
Блестит. Но вот уж «языка» размах
Обрушился на колокол. И дрогнул
Подвешенный под небо медный свод,
И звуки мерно, полновесно, гордо
Плывут, и мне подвластен их черед.
Все с колокольни видно: отблеск моря,
Обрывы в красной глине и сады,
Шаланды острогрудые у мола,
Крыш черепичных пестрые ряды.
Где нынче камни этой колокольни?
Где этот колокол? Он вырван с «языком»
Безумьем века. Горше, беспокойней
И глуше стало на сердце людском.

1979

Именно в этот период с отцом Харлампием очень сблизился молодой одесский врач-офтальмолог Владимир Филатов. Тот самый впоследствии прославленный академик Владимир Петрович Филатов, основатель Одесского научно-исследовательского центра глазных болезней.

Филатов всегда был глубоко верующим человеком, углубленным в философско-религиозные поиски, а также писал стихи. Это очень сблизило его с Харлампием Платоновым. Тогда, во время всеобщего триумфа безбожия, он находил близкую его душе атмосферу глубокой веры среди обитателей Успенского монастыря. Много позже, когда отца Харлампия уже не было в живых,

Окно кельи, где жил о. Харлампий. 1926 г.

Акварель Л.Н. Вышеславского. 1926 г. Большой Фонтан

в 50-х годах, поэт Леонид Вышеславский приезжал с киевскими литераторами в Одессу и был необыкновенно сердечно и даже торжественно принят академиком Филатовым, который организовал в его честь обед. Во время этой встречи он много раз вспоминал о Харлампия. Литераторы были потрясены приемом, устроенным в их честь.

Впечатления от встреч с Филатовым отразились в таких стихах Леонида Вышеславского, как «Глаза не мерзнут» и «Сонет прозрения».

Сонет прозренья

Лучами света в новой роговице
Врожденная прошита темнота,
Но исцеленный все еще в больнице,
С прозревших глаз повязка не снята.

Уже он зряч. Уже владеет зреньем.
Спасибо чудотворному труду!
Но яблоки глазные не созрели
Для созерцания яблока в саду.

И люди осторожно, постепенно
Впускают в душу и цветенья пену,
И нагруженный звездью небосклон.

А если мир, которого ни разу
Не видел он, ему покажут сразу, –
Он красотой будет ослеплен!

Как это перекликается с главной идеей Филатова: «Каждый человек должен видеть солнце» – и филатовскими строчками: «Меня увлекли в офтальмологии и изящество органа зрения, и значительность его функций, дарящих человеку радость видеть природу...»!

В течение жизни Леонид Вышеславский множество раз приезжал в Одессу. И по своим литературным делам: выступления, связи с одесскими литераторами, дружба с Одесским литературным музеем, и отдыхать, и работать в Дом творчества писателей на Большом Фонтане. Дом творчества размещался в двух шагах от Успенского монастыря, который после войны был вновь заселен монахами. Большефонтанский мыс и монастырь были для него святыней. Последний раз Леонид Вышеславский был там со своим внуком, художником Глебом Вышеславским.

Улица Амундсена на Большом Фонтане

Выступами глины бухту стискивая,
берега на жгучем солнце млеют,
по-былому стены монастырские
у подножья маяка белеют.
И все так же яростней паяльника
полдень с морем небеса сливает,
улица великого полярика

от жары нещадной изнывает.
День переливается под кручею,
отданный на растерзанье зною,
доверху наполненный трескучею
тишиною.
Но от прежних дней с их радостью и мукой
не осталось ни следа,
ни следушка...
Уходил когда-то я отсюда
внуком,
а теперь сюда вернулся
дедушкой.

1976

Одесса – яркая и важная страница в творческой жизни Леонида Вышеславского. Здесь, по словам поэта, строилась его душа. И когда на закате жизни он попал в Средиземноморский рай – Лазурный берег Франции, он сказал, что ему там очень хорошо потому, что места эти напоминают Одессу.

В Литературном музее Одессы хранятся материалы о творчестве Леонида Вышеславского и его книги. Существует обширная переписка с одесскими литераторами, в частности, с Батровым, Рядченко и др.

Воспоминания дочери – Ирины Вышеславской

Одесса – это был город юности моего отца, и бывала я в Одессе почти всегда с ним. Когда мне было девять лет, меня отправили на два месяца в Одессу лечиться солнцем и грязями. Путевки были две: одна в оздоровительный лагерь в Люстдорфе, вторая – в Холодную Балку.

Отвез меня в Одессу папа, и перед поступлением в лагерь мы с ним провели день в самой Одессе. Я хорошо помню одесские улицы, погруженные в сквозную тень акаций. Мы зашли в гости к какой-то старой папиной знакомой. Жара, а в доме прохладно. Комната была большая, с высоким лепным потолком и...

Акварель Л.Н. Вышеславского. 1926 г. Сад Успенского монастыря

совершенно пустая. Только софа, покрытая потертым ковром, и старый туалетный столик. Этот минимум напоминал театральную декорацию. Я с девчоночьим любопытством уставилась на содержание столика, который был сделан, как открытый ящик, с зеркалом в стоящей вертикально крышке. В ящике было все перемешано: пудра, булавки и много разных ожерелий и колье. А в зеркале отражался угол софы и сидящая на ней хозяйка – милая, очень нежная и грустная женщина, которая держала в руках бусы, старинные, крупные, из темного янтаря, и перебирала их, как четки. Кто она была? Конечно, я этого не помню. Это была «папина» Одесса.

А потом мы опять пошли сквозь жару и пятнистые тени по улицам и пришли в полуподвальный кабачок, где в углу стояла большая бочка, наверно, с пивом. Меня посадили на бочку. Папа сказал, что здесь у него встреча с одесскими литераторами. Их было много, но запомнила я только морского писателя Батрова с трубкой, и то потому, что он потом приезжал к нам в Киев

и неоднократно вспоминал мое заявление в этом кабачке. А было так, что вся эта компания много шумела, спорила и пила пиво. И в какой-то момент я решила, что этому надо положить конец. И вот слазит с бочки девятилетняя пигалица и громко заявляет: «Папа, хватит пить! Как ты думаешь, маме это может понравиться?». Конечно, всеобщий хохот.

Второй раз мы были в Одессе, когда мне было уже четырнадцать, в одесском Доме творчества писателей на Большом Фонтане. В это время я уже лучше представляла себе, где находится город, где Люстдорф, а где Дом творчества. Приехали мы туда на допотопном трамвайчике, который звонил на каждой остановке. Большой Фонтан утопал в пыли. За последней станцией сразу начиналась степь, полная зноя и сусликов.

Среди писателей почему-то ходила легенда, что главный дом и сад Дома творчества – это бывшая «Дача Качалова», дача великого актера, и якобы на этой даче Есенин написал свое знаменитое стихотворение «К собаке Качалова»:

Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Такую лапу не видал я сроду...

Здесь было какое-то глубокое заблуждение и путаница.

«Дача Качалова» существует в Сочи, стихотворение о Джиме написано в Москве, а в Одессе есть только улица Качалова.

На самом деле «Дача» была построена намеренно забытым писателем Александром Митрофановичем Федоровым, эмигрантом и другом Бунина. Перед тем как стать «Домом творчества», эта дача увидела много разыгравшихся там трагедий...

Но этого никто в то время не знал. Была середина 50-х. Совсем недавно умер Сталин, и еще существовал могущественный Берия. Именно во время нашего пребывания в Одессе Берия был объявлен врагом народа. Это был всеобщий шок. Все ужасно перепугались и не верили до конца. Газеты туда приходили не сразу, радио было только в столовой. Помню, как все притихли, и даже шептаться между собой боялись.

В Доме творчества жило тогда очень много москвичей. Я помню богатыря Спешнева с дочкой, которая стала потом знаменитым художником-мультипликатором, и разных столичных литературных дам, нарядных и ухоженных. Из Киева было несколько

ко человек: поэтесса Татьяна Волгина, Ярослав Шпорта, семья Кучер. Еще запомнился молодой и нервный литератор из Львова, кажется, Глазов.

Все проводили дни под глиняной кручей, среди съехавших к морю пластов глины, на узкой полоске берега из ракушечника, служившей пляжем. Туда спускалась старая плохо сколоченная деревянная лестница со многими зигзагами и площадками.

Вдали, на мысе, был виден силуэт монастыря. Однажды на этой лестнице папа сказал мне, показывая рукой на дальний монастырь: «Там прошло мое детство». И ничего больше! Я ему не поверила. Это было слишком фантастично. Детство в монастыре? Да еще здесь, в двух шагах от писательского дома? Почему никогда раньше я этого не слышала? Не слышала я об этом и долгое время потом. Только много позже я поняла, что папа оберегал меня. Детство в монастыре, у деда-священника, одесские родственники-дворяне из знаменитой фамилии Маразли – все это было тем, что нужно было тщательно скрывать. И уже лишь во времена Брежнева папа стал писать рассказы о своем детстве, об Одессе, но все еще избегая конкретности.

Моему сыну Глебу повезло гораздо больше. Он тоже побывал с Леонидом Вышеславским в одесском Доме творчества. Брежневское царствие подходило к концу. Многое стало дозволено. Какой контраст с пятидесятыми! И Леонид Вышеславский подробно рассказывал своему внуку о митрополите Ювеналии (Машковском), об их длительных философских беседах под стенами Успенского монастыря, о дедушке-священнике отце Харлампии, образованнейшем человеке, и его друзьях архитекторе Кальнинге и враче-офтальмологе Филатове, о Маразли.

С дочерью Кальнинга Люсей юный Леонид Вышеславский дружил. Потом она тоже стала архитектором, вышла замуж за архитектора-реставратора Соболева (сына того Соболева, что написал уникальную книгу «Стили мебели») и жила в Москве, в большой коммуналке в Театральном проезде. С ними со всеми Леонид Вышеславский продолжал дружить всю жизнь – навещал, переписывался.

Кальнинг. 1950-е. Вход в келью, где жил о. Харлампий и Л. Вышеславский

Однажды на той же лестнице, ведущей к пляжу, папа сказал мне: «А ты знаешь, что вот этот дом, в котором мы живем (это был главный дом, собственно, сама Дача Федорова), тоже съедет в море. «Да как же это может быть?» – изумилась я. «Это неизбежно», – сказал папа. Весь берег. Вся Одесса сползает туда. Потому что это глина. Само время состоит из ее пластов».

Я поняла, что это какой-то очень важный для него образ, грандиозная метафора. И правда, потом он написал целый цикл, который называется «Глина». «...Весь круг земли – гончарный круг». В этом цикле много строчек посвящено детству:

Детство берег морской исходило и обжило,
Все излазило кручи до самых вершин,
Потемнело от солнца, как глина от обжига,
И наполнилось небом, как влагой кувшин.

Для понимания этого образа глины и ее пластов, который так часто повторяется в поэзии Леонида Вышеславского, очень важно стихотворение «Оползни».

Оползни

Обламываясь плотными пластами,
Высокий берег оползает в море
С деревьями, оградами, домами,
С надеждами, утехами и горем,
С нелегкой человеческой судьбой.

Обламываясь плотными пластами,
Десятилетия оползают в вечность,
Одна лишь память остается с нами,
Одних лишь звезд не оплывают свечи
Над оползнями медленных годов.

Обламываясь плотными пластами,
В конце концов и память оползает,
И мы, дивясь, проходим берегами,
Которых наше прошлое не знает,
Которые неведомы для нас.

Образ пластов глины и времени присутствует и в двух последних строфах стихотворения Л. Вышеславского «Листва десятки раз успела обветшать...»:

Состарясь, берега морские оползли,
И волны извелись, достигшие предела,
Под ветром одряхлев, лежат пласты земли,
И даже синева над ними поредела.

Не так лучится кровь, свой трепет приглуша,
Не так легко ногам, не так светло во взоре,
И лишь – назло всему – не старится душа, –
И в этом, может быть, вся наша боль и горе.

70-е

Так одесские оползни стали для поэта символом самой жизни. А светлейшая память о детстве в Одессе светится в таких строчках:

Хранится там с твоей улыбкой детской
Иная даль, иная сторона:
Ракушечник Аркадии одесской
Обкатывает жаркая волна.

Крошатся блески утреннего света
По берегу. По всей его резьбе.
Рука в часы наручные одета,
Да наблюдать их незачем тебе!

(Из стихотворения «Осенние проводы»,
посвященного И.К. Черновой)

Продолжение следует

